

II.

СЛОВО

въ день погребенія Государя Императора Александра Николаевича (*).

Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижу во гробѣхъ лежащую...нашу красоту. (Чинъ погреб.).

Плачу, егда помышляю смерть. Но, братія, мы пришли сюда нынѣ размышлять, кажется, уже не о смерти. Чс-

---

(*) Сказано послѣ заупокойной литургіи предъ панихидою, въ Ставропольскомъ Троицкомъ соборѣ, 15 марта.

тырнадцать дней прошло, какъ совершилась она, и все это время мы плакали, размышляя о ней. Мы нынѣ пришли въ св. храмъ сей потому, что наша Красота, нашъ истинный и природный Государь, Помазанникъ Божій, Александръ Николаевичъ, послѣ положенія Его во гробъ, на нынѣшній день приготовленъ уже и къ погребенію; пришли, чтобы общюю приходскою семьею, со слезами и молитвою, мысленно проводить Его, *во гробъ лежаща*, въ нѣдра земли,—въ могилу. Такъ! Но, можетъ быть, смерть, гробъ и могила—родственны между собою и нераздѣльны? Да, ихъ дѣлить нельзя: они—близнецы, дѣти одной матери—грѣха. *Грѣхъ содѣявъ*, говоритъ Апостоль, *раждаетъ смерть*. Не будь этой матери раждающей, небыло бы тогда и смерти, небыло бы гроба; мы не знали бы и могилы, куда нисходитъ гробъ и лежащая въ немъ красота. Да, изъ утробы этой матери, одинъ въ слѣдъ за другимъ, вышли близнецами эти страшные каратели грѣха: смерть, гробъ и могила.

Будемъ же плакать сугубымъ плачемъ: плачемъ о смерти великаго Отца нашего и плачемъ о погребеніи, на вѣки сокрывающемъ Его отъ насъ.

О, плачу и рыдаю о преждевременной, незаслуженной, насильственной смерти Его! Плачу и рыдаю, видя въ послѣдній разъ во гробъ лежащую красоту Его: царственную, церковную, народную! Убить Онъ, убить среди бѣлаго дня, въ своемъ престольномъ градѣ, рукою своихъ же подданныхъ!.... Убить, какъ будто нѣкій лишній на землѣ Русской, какъ будто нѣкій вредный для блага ея, какъ будто непотребный и врагъ ея!.... Боже! что сіе и како сіе бысть?

Но, нѣтъ, мы все знаемъ Отца нашего; все знаемъ, какъ самоотверженна и неисчерпаема была любовь Его къ народу своему, какъ велико было милосердіе Его и хриstopодобно незлобіе и какъ, наконецъ, необъятно громадны были царственные труды и благодѣянія Его для всехъ и особенно для страждущихъ и обремененныхъ. Достаточно и слегка, вкратцѣ, взглянуть на жизнь Его, чтобы видѣть, чѣмъ былъ Онъ для насъ, чѣмъ былъ Онъ и для другихъ.

Въ Христовой православной церкви Онъ былъ не только державный Перво—сынъ, но и самый усерднѣйшій покро-

витель Ея во всѣхъ концахъ міра, *отъ востокъ солнца до западъ*. Съ полнымъ дерзновеніемъ можно сказать и о Немъ тоже, что нѣкогда, въ давно минувшія времена, священный писатель книги Царствъ сказалъ оъ Иудейскомъ царѣ Іосіи: *подобенъ ему не бысть предъ нимъ царь, иже обратися ко Господеви встѣмъ сердцемъ своимъ и всею душою своею и всею силою своею.* (4 Цар. XXIII, 25, 26). Церковь Русская, церковь племень Славянскихъ, церковь Иерусалимская и св. гора Аѳонская, церковь новонасажденная на островахъ Алеутскихъ, въ тундрахъ Алтая, въ Японіи и Сафранциско, церковь, возсоединенная изъ уни и весь православный востокъ въ своей исторіи исписали множество самыхъ свѣтлыхъ страницъ о могучемъ—державномъ покровительствѣ Его православію и всамомъ тепломъ и сыновнѣ—искреннемъ участіи Его въ судьбахъ православія. *Итакъ отъ оубиты!* И такой слуга Православной Христовой церкви *убить!*..

Гашен

Съ другой стороны весь міръ подсолнечный знаетъ, какимъ великимъ отцемъ отечества и всѣхъ, связанныхъ съ нимъ единокровіемъ и единовѣріемъ, племень и народовъ, былъ Онъ и въ качествѣ Государя, Повелителя, Политика. На глазахъ у всѣхъ насъ—Его царственныя поведѣнія. При всемъ разнообразіи своемъ, всѣ они, однако, выражаютъ одно: даръ искреннѣйшей любви Его народу, даръ Отца своимъ дѣтямъ. Припомните тѣ изъ нихъ, которыя сняли вѣковыя рабскія цѣпи съ многихъ миллионъ въ средѣ Русскаго народа и дали несчастнымъ и страдальцамъ, носѣмъ вѣковыхъ цѣпей рабства, испытать чувство свободы и сознать свое личное человеческое достоинство. Припомните и тѣ изъ нихъ, которыя касались разныхъ отраслей государственнаго и общественнаго управленія, интересовъ сословіи и даже судьбы частныхъ лицъ. Во всѣхъ нихъ слышится только одна мысль, одно чувство, одинъ звукъ: возвеличить Русскій народъ, просвѣтить его, уменьшить тяготу, вытереть слезу, и тѣмъ ушибъ. Свѣжа еще память иго могучемъ заступничествѣ Отца нашего за многострадальныя Славянскія племена. И этотъ великій Отецъ отечества, и этотъ печальный родственникъ намъ племенъ *убить!*.. *убить!*..

О, плачь, плачь горько и рыдай, вся вселенная церковь православная! Плачь и рыдай по всем твоим городам и во всем земля Русская! *Глаголите плачь* и вы, *Князи и Княгини* (2 Цар. XXXV, 24, 25), и все единокровныя и единовѣрныя намъ племена. То сердце, которое дышало любовію къ вамъ и надрывалось въ заботахъ объ васъ, пронзено, убито, во гробъ!... Не подвигнуть ему больше крыль своихъ и нераспростирать ихъ надъ вами, какъ распространяетъ *кокошъ* свои крылья для укрытія и согрѣнія птенцовъ. Страшный моментъ переживаетъ Россія. Мысль невольно погружается въ какой то мракъ, въ какой то хаосъ, какъ бы цѣпенѣть. Сердце чувствуетъ себя надорваннымъ, разбитымъ, разтерзаннымъ и рвется попеременно выразиться то въ слезахъ, то въ проклятіяхъ. И кто освѣтитъ теперь путь нашъ? Кто утишитъ бурю сердца? Кто поможетъ намъ, если не ты, Свѣтодавче и Спасителю нашъ?

Есть, братія, дѣла, которыя ненавистны не только христіанскому чувству, но и чувству язычника, чувству всякаго чловѣка, не утратившаго въ себѣ въ конецъ здраваго смысла. Таково, безъ сомнѣнія, и дѣло убійства Государя нашего. Думаю, никто, у кого уцѣлѣло хоть одно трезвое чувство, у кого осталась хоть одна здравая мысль, не можетъ относиться къ этому событію равнодушно, такъ какъ оно, по существу своему, дѣйствительно заслуживаетъ всякаго порицанія, всякой ненависти, всякаго проклятія. Но не будемъ поспѣшны въ выраженіи нашей ненависти къ извергамъ чловѣчества, къ злосчастнымъ орудіямъ исконнаго чловѣкоубійцы. Оглянемся прежде на самихъ себя. Посмотримъ: не виновны ли тутъ и мы? Не участвовали ли и мы въ убійствѣ Отца нашего, если и непрямо, то по крайней мѣрѣ косвенно? Къ подобнымъ вопросамъ приводятъ насъ самыя естественныя размышленія.

Фактъ царубійства—на лицо. Откуда же теперь и кто эти убійцы? Очевидно, они не съ облаковъ упали въ нашу среду. Они—дѣти того же народа, къ которому принадлежимъ и мы. Они росли и воспитывались среди насъ же. Они, слѣдовательно,—плоть и кровь наша.

Если же такъ, то какъ могло случиться, что мы допустили ихъ до такого сатанинскаго растлѣнiя? Какъ мы не усмотрѣли, какъ неостановили ихъ безнравственнаго, противобожскаго и противочеловѣческаго развитiя?—Вопросы стоятъ того, чтобы задуматься. Далѣе, припомнимъ, какъ пассивно, какъ непростительно легко относились мы къ тѣмъ еще недавнимъ вѣянимъ новыхъ лжеученiй, которыя, подъ либеральнымъ знаменемъ, выдавались открыто якобы за поступательное движенiе науки и общественнаго роста. Предъ нашими глазами, одно за другимъ, проходили во всей наготѣ своей лженаучныя ученiя о безбожii и саморазложенiи христіанства, о рефлексѣ и самозарожденiи, о детерминизмѣ и утилитаризмѣ, о позитивизмѣ и дарвинизмѣ. Все это—ученiя чисто отрицательныя, оыняющiя, одуряющiя. Отрицающа личное бытiе Бога, ученiя эти вмѣстѣ съ тѣмъ подрываютъ Божественный авторитетъ Христовой церкви, духовное начало въ человѣкѣ, его свободу, нравственность и загробную жизнь, и устанавливають взглядъ на царей, не какъ на избранниковъ промыслительною волею Божіею, какъ учить Божественное писанiе и Св. церковь, а какъ на игру только случая, равно и на богодарованную имъ власть, не какъ на неприкосновенный авторитетъ, а какъ на лишній только гнетъ надъ народами.

Изъ этого источника собственно черпали и черпають свою фанатическую смѣлость, свою адскую дерзость и ваши нигилисты, убійцы Царя и Его вѣрныхъ слугъ. На нашихъ глазахъ проходило ученiе, требовавшее настойчиво гражданскаго брака, ученiе о естественности и нормальности открытаго распутнаго сожитiя, объ отношенiяхъ мужа къ женѣ, какъ самца только къ самкѣ, и объ отношенiяхъ дѣтей къ родителямъ, какъ къ непрошеннымъ благодѣтелямъ ихъ. На нашихъ глазахъ, въ слухъ всей земли Русской, въ печатныхъ органахъ поруганы почти все учителя христіанской вѣры и нравственности—наши архипастыри и ихъ помощники и не только живые, но и давно умершіе; при чемъ не давалось пощады и тѣмъ изъ нихъ, коихъ знаетъ и достойно чтить весь истинно-просвѣщенный міръ! Осмѣяна и вся церковь православная въ ея завѣтныхъ вѣрованiяхъ и вселен-

сихъ учрежденіяхъ, какъ будто отсталая, несовременная, не-
отвѣчающая требованіямъ науки, и какъ будто сама собою
близкая уже къ смерти и замѣня ея религіею новою, на-
учною. На нашихъ глазахъ почти все образованное общество
наше порвало связь съ своею христіанскою кушью и цер-
ковью. Что я не преувеличиваю, въ подтвержденіе сего об-
рацаюсь ко всѣмъ вамъ съ вопросомъ: когда и кого же изъ
среды названнаго общества, скажите, други мои, видимъ мы
въ храмѣ Божіемъ на молитвѣ, или у чаши Христовой? За-
конъ Божій, положенный покойнымъ Отцемъ нашимъ въ ос-
нованіе отечественнаго образованія, не пользуется въ нашихъ
школахъ дарованнымъ ему значеніемъ, а ему видимо предпо-
читаютъ предметы другихъ содержаній.

Было время—и это еще такъ недавно,—что земскіе дѣ-
ятели и вовсе изгоняли изъ народныхъ школъ несчастныхъ
законоучителей изъ священниковъ, донельзя унижая ихъ
богословское образованіе и предпочитая имъ всякихъ невѣждъ
и проходимцевъ. Теперь спросимъ себя: что мы дѣлали во
все это время? Что мы дѣлали, когда эти лжеученія и бе-
зобразія возникли и одно за другимъ проходили открыто по
землѣ Русской? Что мы дѣлали, когда зло отрицанія и без-
вѣрія стало видимо проникать въ среду нашего учащагося
юношества? Что мы дѣлали, когда изъ подрастающаго уча-
щагося поколѣнія, какъ неоднократно обнаружили то поли-
тическіе процессы, стали выдѣляться въ ряды нигилистовъ
не только юноши, но и дѣвицы? Ударили ль въ набать? За-
били ль тревогу? Разразились ли такимъ вошемъ и такимъ
отчаяннымъ крикомъ, чтобы этотъ вошь и этотъ крикъ до-
шли до Отца нашего, какъ Первосына Христовой церкви и
искреннѣйшаго державнаго покровителя христіанской вѣры
и нравственности? Зло было слишкомъ велико; молчать было
нельзя. Распространялось оно слишкомъ открыто. Относиться
къ нему пассивно было невозможно, преступно. Тутъ мало
было разливающемуся потоку зла противопоставить слово и
писаніе, на что мѣры защиты во враждебномъ лагерѣ не об-
ращали почти никакого и вниманія. Надо было воспрянуть,
встрепенуться всѣмъ разомъ, сплотиться, дѣйствовать всѣмъ
сообща, дѣйствовать всѣми силами и всѣми дозволенными сред-

ствами. Что же однако дѣлали мы? Грустно сказать, но нельзя и не сказать: почти ничего! Лучшие изъ родителей только скорбѣли и вздыхали про себя; худшіе махнули рукой, утѣшая себя будущими карьерами своихъ дѣтей и успокоивая какимъ-то фаталистическимъ вѣяніемъ духа времени. А зло, между тѣмъ, все расло и расло, безвѣріе распространялось, царевубійственная банда нигилистовъ усиливалась, — умножалась, крѣпла.

Нѣтъ, други мои, не доказать намъ своей неприкосновенности къ гнусному дѣлу царевубійства. Мы можемъ смѣло сказать только одно, что Отецъ нашъ убитъ не черезъ насъ лично, но не посмѣемъ сказать, что убитъ Онъ безъ насъ. Грѣхъ невнимательности, недѣятельности и безпечности по воспитанію нами и охраненію дѣтей своихъ останется навсегда терномъ, вилетеннымъ нашею рукою въ мученическомъ вѣнцѣ Его. Не достанетъ у насъ дерзновенія оплакивать Его и одними только слезами вѣрнопопдадническими: съ этими слезами мы должны смѣшать горькія слезы сознаваемой нами предъ Нимъ и нашей виновности.

Правда, Отецъ нашъ лично ничего не потерялъ отъ смерти своей. вмѣсто вѣнца временнаго отъ каменной честныхъ, небесное правосудіе, уповаемъ, покроетъ Его вѣнцомъ вѣчнымъ, славнымъ вѣнцомъ мученика. Но пройдетъ ли даромъ для насъ пролитая безвинно царственная кровь Его? Не *возопіетъ* ли она къ небу противъ насъ паче *крови Авелевой*?

О, плачу и рыдаю и вмѣстѣ трепещу, помышляя о томъ, какъ бы дѣйствительно не возгорѣлся противъ насъ и нашего отечества праведный гнѣвъ Божій! А онъ возгорится, возгорится непременно, если не одумаемся, не исправимся и не отрезвимся въ своихъ помышленіяхъ, а будемъ попрежнему равнодушны къ распространяющемуся злу отрицанія и безвѣрія! Законъ благосостоянія государствъ и народовъ извѣстенъ, и законъ этотъ одинъ на все времена: *сѣмя свято стояніе ихъ* (Исаіи VI, 13). За упорствомъ же и ожесточеніемъ всегда идутъ по пятамъ: разстройство, волненія, опустошеніе. *Се оставляется домъ вашъ пустъ* (Матт. XXIII, 38).

О, Господи, Господи! Ты зришь, что сугубо горестенъ для насъ настоящій день сей. Мы скорбимъ о великой потерѣ Отца нашего; скорбимъ и о нашей виновности предъ Нимъ. *Не имамы дерзновенія* къ Тебѣ, и Моисея но имамы, дерзающаго за насъ передъ Тобою. Но умоляемъ собственнымъ благоутробіемъ Твоимъ, потерпи намъ и еще, непогуби насъ внезапно со беззаконми нашими и не отрини, Всеблагій, хотя и недостойной, но скорбной и искренней молитвы нашей о упокоеніи въ селеніи праведныхъ души убиеннаго Отца нашего, Благочестивѣйшаго Государя, Императора Александра Николаевича и сотвори Ему, какъ праведную мзду христіанскихъ свойствъ Его, государственныхъ трудовъ и заслугъ, неисчерпаемой любви къ народу и св. церкви православной и, наконецъ, мученической кончины Его, никогда немерцающую, никогда неумалаяющуюся, вѣчную память!

Вѣчная память, вѣчная память, вѣчная память! Аминь.

Протоіерей Вас. Розалиевъ.

Ш.

Панихида по въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ въ станицѣ Каладжинской, Кубанской области.

Печальная и страшная вѣсть о мученической кончинѣ Царя—Освободителя и Благодѣтеля Александра Николаевича дошла до станицы Каладжинской 5-го марта вечеромъ, а 6-го совершена была первая панихида о упокоеніи Его чистой души.

По зову церковнаго колокола къ заупокойной литургіи собралось, можно сказать, все населеніе станицы, отъ стараго до малаго, такъ что тѣсная приходская церковь немогла вмѣстить и третьей части собравшагося народа. Въ виду сего и общаго желанія всѣхъ прихожанъ сообща помолиться о горячо любимомъ Царѣ, по окончаніи литургіи, панихида была